

J.-L. LAUGIER, *Tacite*, P., 1969, 190 стр.

Книга Ж.-Л. Ложье представляет собой очерк жизни и творчества Тацита, рассчитанный на широкий круг читателей. С научно-популярным жанром работы связаны и ее достоинства, которые первыми обращают на себя внимание. Прежде всего, популярных книг о Таците очень мало¹, и выход в свет каждой новой хорошей популяризации важен. Главное же состоит в том, что появление книги, написанной в этом жанре, указывает на накопление исследователями ряда выводов, уже переставших быть лишь предметом специальных дискуссий и созревавших для общедоступной ясности. Рецензируемая работа суммирует такого рода выводы и может рассматриваться поэтому как обобщение главных результатов, полученных наукой о Таците за последние десятилетия. Результаты эти весьма значительны. Они сказываются, прежде всего, в решении двух основных вопросов: в восстановлении биографии Тацита и определении его политического мировоззрения.

Еще в 1926 г. такой видный специалист, как Ф. Фабиа, писал, что человека, который решится составить биографию Тацита, «ждет много интересного, но и много неодолимых препятствий; ему придется продвигаться вперед чаще всего в сумраке, а подчас и в полной тьме»². Книга Ж.-Л. Ложье показывает, что тьма рассеивается: неясностей и лакун по-прежнему много, но жизнь Тацита предстает теперь перед нами как единый связный процесс — шестьдесят «трудных и праздничных» лет, прожитых в определенное время, в определенных условиях и среди определенных людей.

Среди тех «связок», которыми автор соединяет известные нам факты из жизни историка, особенно удачны характеристики должностей и магистратур Тацита. Они составлены так, что проливают свет на общественную позицию человека, их занимавшего. В деятельности квиндецимвиров, например, автор выделяет политический надзор над мессианизмом и сектантством, которые подчас оказывались формой борьбы против римского государства, и находит в этом еще одно подтверждение близости квиндецимвира Тацита к флавианскому режиму. Хорошо показано, чем был при первых Антони-

нах проконсулат Азии и, соответственно, как положение проконсула связано для Тацита, при сохранении внешних признаков доверенности и власти, с внутренним отходом от правящей верхушки. Интересно соображение о том, что Тацит мог занимать в 90-е гг. должность префекта эрария Сатурна.

В определении политического мировоззрения Тацита Ложье следует Клингнеру и Сайму³. Здесь опять мы видим, как углубилось за последние десятилетия понимание творчества римского историка. Если на протяжении веков его считали либо сторонником империи, либо ее противником, что приводило к противоречиям и недоразумениям, то отраженная в рецензируемой работе концепция улавливает внутреннюю диалектику творчества Тацита и его политических взглядов. Она сводится к тому, что Тацит понимал недостатки и республиканского, и императорского правления, знал поэтому, что в борьбе принципсов с сенатом нет правых, и с растущей отчетливостью излагал этот взгляд в своих произведениях. При таком подходе к творчеству Тацита особое значение приобретает его столь долго недооценивавшийся гениальный «Диалог об ораторах». Главы, посвященные этому произведению, — один из самых глубоких и интересных разделов книги. «Матери описывает смутные времена республики с восторгом и сочувствием. Он живет страстями ораторов-заговорщиков. И тем не менее он осуждает это восхищающее его время, предпочитая ему размеренную и полусонную жизнь императорской эпохи, которая носит название „мир“». Нельзя иметь все зараз — красноречие связано с беспорядками и несчастиями, зато мир не приносит ничего, кроме скуки... Тут нет ни республиканизма, ни благодушного приятия империи; есть лишь проница и разочарование» (стр. 84, 87)⁴.

Касаясь спорного вопроса о датировке «Диалога», автор говорит, что он возник после 100 г. Это вполне убедительно: по времени, к которому отнесен описываемый здесь разговор (середина 70-х гг.), по лицам, в нем упоминаемым (Муциан,

³ См. указанный обзор М. Л. Гаспарова.

⁴ Подобная оценка политического мировоззрения Тацита высказывалась уже в XIX в. В. И. Модестовым («Лекции по истории римской литературы», СПб., 1888, стр. 701—721) и Г. Буассье (*Tacite*, 2e éd., P., 1904). В эпоху господства моммзеновской школы, однако, она не получила распространения и была заново аргументирована и введена в научный обиход указанными выше исследователями.

¹ К работам Вюйемье (1949) и Менделла (1957), названным в обзоре М. Л. Гаспарова (ВДИ, 1964, № 1), нужно добавить книгу И. М. Гревса «Тацит» (М. — Л., 1946); в сущности этим и исчерпывается научно-популярная литература о Таците, появившаяся в нашем столетии.

² Ph. Fabia, *La carrière sénatoriale de Tacite*, «Journal des Savants», 1926, № 5, стр. 194.

Эприй Марцелл, Вибий Крисп) и участвующим (Юлий Секунд), «Диалог» очевидным образом связан с многолетней работой над «Историей», завершенной около 109 г. Не удивительно поэтому, что Ложье обнаруживает ту же острую диалектику римского государственного развития и в «Истории», где, однако, она предстает в несколько иной форме. Дело в том, что при изложенном понимании мировоззрения Тацита крайне важно уловить, чем его диалектика отличается от релятивизма; необходимо показать, что «пронией и разочарованием» дело не исчерпывается, что сама всеобщая относительность для историка относительна, что над ней есть норма. Анализируя «Историю», Ложье и стремится доказать, что в условиях всеобщего политического и нравственного распада — коварства императоров, пресмыкательства сената, омертвления нравственного долга, разнузданности толпы — существует норма и ценность, приобретающая для Тацита решающее значение; это — энергия и сила жизни вообще, энергия и воля личности, служащей *rei publicae* в особенности. Она проявляется уже в *industria ac vigor* Агриколы и объединяет немногих положительных героев «Истории» и «Анналов». Она оправдывает и придает смысл существованию таких людей, как Отон, постоянно погруженных в ничтожество, но в решающую минуту проявляющих трагическое величие и крепость духа. Сила жизни и человеческая энергия образуют подлинную, глубинную, музыкальную подоснову истории — вечную и непреходящую, и, ощущая ее, Тацит смотрит в будущее без иллюзий, но и без отчаяния или тоски. Завершающая глава книги названа автором «Оптимизм».

Главная мысль рецензируемой работы состоит в том, что сила жизни, энергия и воля, масштаб личности составляют основу не только политико-философского мышления Тацита, но и его эстетики, что историческое и нравственное содержание существует для него в то же время как содержание художественное, лишь в нем и через него. Неожиданные, подчас страшные, но всегда могучие взрывы человеческой энергии, контраст между обычной всеобщей апатией и проявлениями разумной и сильной воли составляют и историческое повествование, и зрелище — трагедию или фреску. «Ирония Тацита бесстрастна, и он с равным увлечением следит за судорожными ухищрениями негодяев и естественной героикой великих людей. Создается впечатление, что его постоянно привлекает некоторый трагический колорит: ситуации, ошеломляющие и непостижимые, поступки коварные и неожиданные — все сливается в единое эстетическое восприятие действительности. Тацит, подобно Вергилию, поэт фантастического» (стр. 175).

Этот философско-художественный прин-

цип Ложье характеризует как «барочный» (стр. 80, 102), как мораль и эстетику грандиозного (стр. 80, 179), фантастического (стр. 94, 125, 175), трагического (стр. 119, 123) и раскрывает его не только в своем анализе, но и через обильные, с большим вкусом подобранные иллюстрации. На первый взгляд чуждые теме, разнородные и странные, они создают в своей совокупности пластический образ «барочной» империи. Мысль о художественном единстве римской действительности, философии Тацита и его эстетики, хотя кое в чем и подготовленная предшествующими исследованиями, в столь общем виде принадлежит Ж.-Л. Ложье и представляет весьма интересный аспект его книги.

Наши недостатки, как известно, — это продолжения наших достоинств. Ж.-Л. Ложье в своей книге откровенно следует Р. Сайму, у него он взял диалектическое понимание Тацитовой философии, т. е. самое ценное в рецензируемой работе, и у него же — самое уязвимое, что в ней есть. Дело в том, что Р. Сайм развил и обосновал гипотезу, согласно которой Тацит умер не в 117 г., как было принято думать, а в середине или даже в конце 20-х гг. Если это так, то «Анналы» соответственно писались не в 111—116 гг., а при Адриане, и внутренняя, подлинная их тема — не эпоха Юлиев-Клавдиев, а правление первых Антонинов вообще, Адриана в особенности. Несмотря на критику⁵, гипотеза эта на глазах завоевывает господство в зарубежной науке⁶. Ж.-Л. Ложье следует ей безоговорочно и во многом доводит ее до крайности: Тацит — современник Адриана (стр. 5), «История» написана в связи с усыновлением Траяна (стр. 112), «Анналы», созданные в связи с переходом власти к Адриану (стр. 135) и убийством в 118 г. четырех консулов (стр. 115), представляют собой своеобразный роман à clef. Германик — это Траян (стр. 140, 144, 146 сл.), Тиберий — Адриан (стр. 153). Принятие этой гипотезы по-

⁵ R. Häussler, Tacitus und das historische Bewusstsein, 1965, стр. 371 сл.; J. Beaudeau, Le *mare rubrum* de Tacite et le problème de la chronologie des «Annales», «Revue des Etudes Latines», 1965, стр. 200 сл.

⁶ Fr. Altheim, Römische Religion-Geschichte, I, 1956, стр. 110 сл.; E. Koestermann, Tacitus und die Transpadana, «Athenaeum», 43 (1965), стр. 200 сл.; особенно показательно, что концепцию эту, хоть и с осторожностью, принял автор статьи о Таците в RE: St. Borsák, P. Cornelius Tacitus, RE, Supplbd. XI, s. v. и отдельный оттиск, Stuttgart, 1968, ср., впрочем, критические замечания автора о книге Сайма в целом: стб. 384, 398, 451, 461.

рождает основные недостатки разбираемого сочинения.

Прежде всего потому, что по самому своему существу она вызывает множество возражений. 1. Темы престолонаследования и расширения границ Империи, связывающие, согласно, этой гипотезе, описываемую Тацитом эпоху и время Антонинов, вполне очевидно не составляют главного содержания ни «Истории», ни «Анналов». 2. Основная тема этих сочинений — борьба сената и императоров — явно не образует главного содержания эпохи Траяна и Адриана. 3. Неудачные походы, казнь видных сенаторов и захват власти в результате женских интриг слишком часто повторяются на протяжении всей ранней Империи, чтобы можно было видеть в них отличительные признаки антониновской поры и объяснять интерес Тацита к такого рода темам его связью с эпохой Траяна и Адриана. 4. Тема престолонаследования, актуализованная, согласно разбираемой гипотезе, незаконной передачей власти Адриану, наиболее полно отражена Тацитом в I книге «Истории», написанной за много лет до Адриана. 5. Если бы Тацит продолжал работать над «Анналами» при Адриане (и выступать с публичными чтениями⁴ отрывков из них), он не мог бы не исправить описания восточной границы Империи, содержащегося в начале сочинения и переставшего быть действительным в 116 г. 6. Тацит мыслил и писал, по выражению современника, *συνολως*. Историческое сочинение для него — труд, исполненный достоинства (ср. Hist., II, 50: *...gravitate coepti operis...*), посвященный судьбам народа и государства. Мысль о том, что заключительный труд всей его жизни представляет собой фронтальный памфлет, собрание намеков и выпадов, противоречит всему характеру творчества Тацита. 7. Тацит не единственный писатель, который, пережив время Флавиев, продолжал думать и писать о прошлом и при Антонинах; если этого не учитывать, придется считать травестиями и жизнеописания Светония и сатиры Ювенала.

Принятие охарактеризованной здесь гипотезы отрицательно сказывается и на изображении автором диалектики Тацита. Если «Анналы» — сочинение, тайно направленное против Антонинов, а отсюда и против принципов вообще (стр. 154, 157), значит Тацит, включившись в политическую борьбу времени, выбрал одну из сторон; проникновение его в относительность исторических противоречий, в диалектику сил, *quarum causas procul habeo*, исчезает. «Диалог» и, отчасти, «История» оказываются «диалектическим эпизодом», за пределами которого Тацит у Ложке все время делает однозначный выбор: за служение империи, *против* критиков Нерона или Домициана (стр. 39 сл.), *за* Траяна, *против* «сенат-

ской партии» (стр. 51), *против* Тиберия (т. е. *против* Адриана) (стр. 153 сл.), *за* свободу, которой обладают полудикие германцы (стр. 65 сл.). При таком подходе автор вынужден рассматривать те главы «Анналов», в которых Тацит рассказывает о благотворных мерах императоров, вне связи с другими, где говорится об ужасах императорского правления. Вместо двух сторон единого процесса возникает некое механическое «и — и» (стр. 167 сл.).

Главное, однако, в другом. Диалектика не была внесена Тацитом в римскую историю, а обнаружена им в ней как ее объективное свойство. Поэтому одностороннее и неполное понимание диалектики Тацита оказывается неотделимым от одностороннего понимания и самого исторического процесса, а местами приводит и к отрыву от его подлинного содержания. Это особенно очевидно, например, в главе о Тиберии, чье правление, как известно, отражало компромисс между традиционной римской олигархией, представленной сенатом, и широкими слоями провинциальных рабовладельцев, чьи интересы в конечном счете выражал император. Двойственность эта существовала объективно, каждая из сил обладала своей правотой (и своей неправотой), и потому мировоззрение Тацита, выразившего безвыходность этой ситуации, было трагическим⁷. Когда Ложке заменяет объективную категорию — историческую двойственность режима — субъективной — двуличием лицемера императора, которое Тацит лишь клеймит и разоблачает, — последний оказывается в положении человека, видящего однозначное добро и осуждающего однозначное зло, т. е. превращается из трагической фигуры в мелодраматическую.

Ошибок и неточностей в рецензируемой работе очень мало: похвальная речь Вергилию Руфу была произнесена Тацитом не «в собрании сената» (стр. 19), а, как обычно, на форуме у ростр⁸; дата смерти Агриколы, указанная на стр. 188, — 23 октября 93 г., по-видимому, ошибка: на стр. 31 правильно — 23 августа; на стр. 36 неточно сказано, что репрессии Домициана против сената начинаются «именно в 93 г.» — репрессии 82/83 и 88/89 гг. были не менее радикальны. Существен, однако, другой вопрос — о границах допустимого в отождествлении гипотетических и подлинных фактов. Вполне очевидно, что в научно-популяр-

⁷ Вообще описанное Тацитом состояние Рима поразительно точно соответствует данной Марком известной характеристике трагического в истории (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 418).

⁸ Достаточно сравнить Polyb., VI, 53,9 — Тац., Ann. III,5 — Plin., Ep., II, 4, 1 и 6.

ных книгах нельзя по каждому поводу разворачивать критику и аргументацию точек зрения, и многие спорные вопросы приходится излагать как решенные. Все дело, однако, в мере. Когда Ж.-Л. Ложье пишет, например, что Тацит родом из Вазнона (стр. 7, 8, 22), это вполне допустимо, ибо такое суждение, не будучи бесспорным, обладает высокой степенью вероятности. Но если столь же *en passant*, как нечто само собой разумеющееся, автор замечает, что Тацит получил латинскую кличку именно и точно в 74 г. (стр. 15, 23), что персонаж «Диалога об ораторах» Апер — реальное историческое лицо (стр. 17, 77), а префект претория Корнелий Фуск был близким Тациту человеком

(стр. 28⁹), возникает опасение, что необходимая мера осторожности здесь перейдена.

В целом Ж.-Л. Ложье выполнил свою главную задачу — представить цельный образ гениального римлянина, вызвать к нему симпатию и уважение. Он написал хорошую интересную книгу, самые недостатки которой могут породить плодотворные споры.

Г. С. Кнабе

⁹ Здесь автор следует недостаточно обоснованному утверждению Э. Кестермана («Athenaeum», 43, 1965, стр. 190 сл.)

НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ИЗДАНИЙ РАННЕХРИСТИАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Несколько лет назад мы рецензировали две новые публикации раннехристианских произведений, выпшедшие в серии «Христианские источники», издаваемой издательством Серф в Париже (ВДИ, 1967, № 4, стр. 184—186). За последние годы в этой же серии появилось еще несколько памятников, относящихся ко II—IV вв.

Наиболее ранний среди источников, которые мы рассмотрим в этой рецензии, — это так называемый «Сирийский апокалипсис Баруха», возникший в 70—135 гг. н. э., в период между двумя иудейскими восстаниями. В двухтомном издании П. Богэрта¹ французский перевод апокалипсиса занимает сравнительно немного места (т. I, стр. 463—528); весь второй том отведен комментарию, тогда как в первом томе переводу предшествует обширное введение.

Богэрт начинает с рукописной традиции апокалипсиса, полный текст которого сохранился только в одной рукописи (Ambrosianus B 21 Inf.) — в сирийской Библии VI—VII вв., отражающей тем самым тот ранний период в истории библейской традиции, когда канон еще не сложился окончательно. Помимо того, сохранился папирусный фрагмент апокалипсиса, датированный концом IV—V в. (Oxyrh. 403) (автор воспроизводит его полностью: т. I, стр. 41 сл.); этот фрагмент на греческом языке, на котором, видимо, был написан и оригинал апокалипсиса.

Рассматривая апокалипсис как цельное произведение, а не как механическое соединение отдельных отрывков, Богэрт анализирует его содержание, ставит вопрос об авторе (титул он справедливо счи-

тает псевдоэпиграфом) и о соотношении памятника с другими сочинениями, связанными с именем Баруха. По мнению Богэрта, анонимный писатель, близкий по своим взглядам к Иешуа бен Анания, принадлежал к умеренным кругам еврейского общества, трагически перенесшим разрушение Иерусалимского храма, но отнюдь не стремившимся к новому восстанию.

В этой связи весьма интересны наблюдения исследователя о близости некоторых положений апокалипсиса Баруха и Нового завета (в частности посланий Павла). Поскольку апокалипсис Баруха не был известен (в отличие, скажем, от апокалипсиса Ездры) в христианских кругах, можно говорить скорее о параллельном развитии богословской мысли, нежели о прямом заимствовании.

Обстоятельное исследование Богэрта, помимо всего прочего, представляет особый интерес для историков славянских литератур, поскольку «Откровение Варухово» — в отличной от сирийского апокалипсиса редакции — известно и в древнеславянском переводе.

Послание Птолемея к Флоре, изданное Ж. Киспелем², — сочинение II в. н. э., выпшедшее из среды валентиниан. Оно сохранилось христианским писателем IV столетия Епифанием Кипрским в книге, предназначенной опровергнуть «лжеучения», к которым относилась и гностическая ересь Валентина. Послание посвящено вопросу, волновавшему в то время римскую общину, к которой, по-видимому, принадлежал Птолемей, — вопросу об отношении к ветхозаветному закону. В са-

¹ Anocalypse de Baruch, introduction, traduction du Syriac et commentaire par P. Bogaert, I—II, P., 1969.

² P t o l é m é e, Lettre à Flora, Analyse, texte critique, traduction, commentaire et index Grec de G. Quispel, P., 1966.